
В ПОМОЩЬ ИЗУЧАЮЩИМ РУССКИЙ ЯЗЫК
А. КОНОНОВ
РАССКАЗЫ
О ЧАПАЕВЕ

В ПОМОЩЬ ИЗУЧАЮЩИМ РУССКИЙ ЯЗЫК

А. КОНОНОВ

РАССКАЗЫ О ЧАПАЕВЕ

ДЛЯ УЧАЩИХСЯ 4—8 КЛАССОВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ШКОЛЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МААРИФ"
БАКУ—1983

Кононов А.

Рассказы о Чапаеве—Б., „Маариф", 1983, 32 с. (Серия „В помощь изучающим русский язык").

В книжке собраны наиболее интересные рассказы о В. И. Чапаеве, который представляет собой образец мужества и героизма.

Рассказы прививают учащимся чувство любви и уважения к родине, к родному краю. Рассказы предназначены для учащихся средней школы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РУС ДИЛИНИ ӨЈРӘНӘНЛӘРӘ КӨМӘК

КОНОНОВ А.

ЧАПАЈЕВ ҺАГГЫНДА ҺЕКАЈӘЛӘР

(рус дилиндә)

Тәртиб едәнләри: *Асланова О., Гулијева Н.*

К $\frac{60601—000}{М 652—83}$ 205—83 4306020000

СЛУЧАЙ В ВЯЗОВКЕ

На пы́льной у́лице дере́вни Вя́зовки показа́лось пя́теро вса́дников. Впереди́ на краси́вом ры́жем коне́ скака́л челове́к в вое́нной гимнастёрке.

Дереве́нские ребя́та сра́зу узна́ли его́:

— Чапа́й... Чапа́й прие́хал!

У двора́ с высо́кими тесо́выми воро́тами вса́дники останови́лись.

Из воро́т вы́бежал ма́льчик лет семи́.

— Ба́тя, — закрича́л он, — а у нас я́рмарка!

— Вида́л, сыно́к, — отве́тил Чапа́ев и соскочи́л с седла́ на́земь.

Был он невысо́кого ро́ста, но ла́дный, ста́тный. Зелёная гимнастёрка, перетя́нутая ко́жаными ремня́ми, сиде́ла на нём ло́вко[1]. У по́яса с пра́вой стороны́ висе́л револьве́р, а с ле́вой — ша́шка, бога́то укра́шенная серебро́м.

Он тро́нул руко́й свои́ усы́ и огляде́л дереве́нскую пло́щадь си́ними я́сными глаза́ми.

На пло́щади стоя́ли возы́ с се́ном. Девча́та в я́рких, пра́здничных ко́фтах гуля́ли, взя́вшись за́ руки. Прие́зжий горше́чник гро́мко расхва́ливал свой това́р. Гармо́шка игра́ла весёлую плясову́ю пе́сню.

— Ну что ж, пойдём в избу́. Бубене́ц, — сказа́л Чапа́ев.

Пото́м оберну́лся к са́мому молодо́му из вса́дников и веле́л:

— Пе́тька, коне́й во дворе́ поста́вишь.

Че́тверо прие́зжих вошли́ в избу́, а пя́тый взял лошаде́й под уздцы́ и провёл их во двор.

Войдя́ в избу́, Чапа́ев взял со стола́ кри́нку, нали́л в стака́н молока́ и бы́стро вы́пил. Пото́м пододви́нул кри́нку свои́м спу́тникам.

Ребяти́шки жа́лись к столу́ и рассма́тривали госте́й.

На поро́ге показа́лся стари́к с кудря́вой бородо́й.

---

[1] Гимнастёрка сиде́ла на нём ло́вко — гимнастёрка, сши́тая по фигу́ре, сиде́ла на нём хорошо́.

— Здоро́во, Васи́лий! — сказа́л он. — Всё вою́ешь?

Чапа́ев усмехну́лся и отве́тил:

— Вою́ю!

Стари́к по́дал ка́ждому из прие́хавших ру́ку и сел на ла́вку.

— Я на я́рмарке был, когда́ ты по дере́вне... пропыли́л. Я тебя́ издалека́, сыно́к, призна́л.

— Ну, как ны́нче я́рмарка, удала́сь? — спроси́л старика́ оди́н из прие́зжих, кото́рого зва́ли Бубенцо́м.

— Да как сказа́ть... Знако́мых никого́ не встре́тил. Всё бо́льше каки́е-то чужи́е, да́льние.

Бубене́ц нахму́рился.

— Заче́м да́льним в Вя́зовку е́хать?

Он поверну́лся к Чапа́еву и проговори́л:

— Васи́лий Ива́нович, в уе́зде неспоко́йно. Не понае́хали бы непро́шеные го́сти — беляки́[1]. Напра́сно мы от отря́да так далеко́ отби́лись.

Чапа́ев споко́йно отве́тил:

— Неу́жто мне и ребяти́шек свои́х нельзя́ повида́ть? Вот погости́м до утра́, а там и в похо́д.

Он подошёл к окну́ и стал гляде́ть на у́лицу. По у́лице ме́дленно дви́гались больши́е возы́ с се́ном. Оди́н воз останови́лся недалеко́ от воро́т.

— Иди́-ка сюда́, Бубене́ц, — позва́л Чапа́ев. — Се́но на воза́х мне что́-то не нра́вится.

Бубене́ц посмотре́л в окно́ и сейча́с же схвати́лся за револьве́р.

Чапа́ев то́же вы́нул револьве́р и прове́рил ша́шку — легко́ ли вынима́ется из но́жен.

На у́лице из-за во́за с се́ном торча́ли ду́ла винто́вок, выгля́дывали незнако́мые зло́бные лю́ди.

Чапа́ев кри́кнул ребяти́шкам:

— Ложи́сь на́ пол!

Он схвати́л мла́дшего сыни́шку и сам уложи́л его́ пода́льше от окна́. Двое други́х, поста́рше, легли́ ря́дом.

Чапа́ев бы́стро поверну́лся к Бубенцу́.

— Ну, е́сли э́то за мое́й голово́й прие́хали... — на́чал он, но не успе́л доко́нчить: на у́лице разда́ли́сь вы́стрелы.

В сосе́дней ко́мнате со звоно́м посы́пались на́ пол стёкла.

— А где Пе́тька? — кри́кнул Чапа́ев.

---

[1] Беляки́ — бе́лые.

Но Пётька и два други́х бойца́ уже́ стоя́ли у поро́га избы́ с нага́нами нагото́ве.

— Васи́лий Ива́нович, — проговори́л Пётька бы́стро, — коне́й я не рассёдлывал. Нам бы то́лько к ко́ням проби́ться.

— Пробьёмся!

Пётр Иса́ев, кото́рого все дру́жески зва́ли Пёткой, был па́рень лет двадцати́ двух. Он состоя́л при Чапа́еве для поруче́ний, всю́ду е́здил с ним и вида́л мно́го сраже́ний.

Сно́ва загреме́ли вы́стрелы, пото́м на мину́ту зати́хли, и чей-то си́плый го́лос заора́л:

— Выходи́-и! Выходи́-и, Чапа́й!..

Тепе́рь все пя́теро прие́зжих во главе́ с Чапа́евым и Бубенцо́м стоя́ли у око́н и двере́й с револьве́рами в рука́х.

Как то́лько в воро́та просу́нулась чья-то рыжеу́сая голова́, из око́шек избы́ разда́лся залп. Голова́ исче́зла.

— Во двор! — скома́ндовал Чапа́ев.

Чапа́евцы вы́скочили во двор, легли́ у избы́ и ста́ли отстре́ливаться.

Во дворе́ оказа́лся и оте́ц Чапа́ева.

— Станови́сь к воро́там, сказа́л ему́ Васи́лий Ива́нович: когда́ ну́жно бу́дет, откро́ешь их по кома́нде.

Напада́вшие не подходи́ли тепе́рь бли́зко к воро́там. Они́ крича́ли и́здали:

— Выходи́-и! Выходи́-и живе́й!..

Пото́м они́ столпи́лись у возо́в с се́ном и ста́ли обсужда́ть, как бы зaже́чь со всех сторо́н избу́ и вы́курить отту́да чапа́евцев[1].

В э́то вре́мя Чапа́ев, согну́вшись, подбежа́л к своему́ коню́ и вскочи́л в седло́. За ним бро́сились к лошадя́м остальны́е.

— Открыва́й воро́та! — негро́мко скома́ндовал Чапа́ев и вы́хватил ша́шку из но́жен; в ле́вой руке́ он держа́л револьве́р

Воро́та распахну́лись. Пя́теро ко́нников вы́летели на у́лицу и вре́зались[2] в толпу́ враго́в. Те не жда́ли тако́го нападе́ния.

— В во́здухе сверкну́ли ша́шки, послы́шались кри́ки и сто́ны ра́неных. Белогварде́йцы попя́тились наза́д[3], стара́ясь укры́ться за возы́ с се́ном.

---

[1] Вы́курить отту́да чапа́евцев — вы́гнать отту́да чапа́евцев.
[2] Вре́зались — ворвали́сь.
[3] Попя́тились — дви́нулись наза́д.

В э́то вре́мя к Чапа́еву подскака́л офице́р на бе́лой ло́шади. Он уже́ занёс ша́шку над голово́й Чапа́ева, но тот ло́вко уверну́лся, по́днял коня́ на дыбы́[1] и вы́стрелил из револьве́ра.

Офице́р повали́лся на́ бок, ухвати́лся бы́ло за гри́ву ло́шади, но не удержа́лся и попо́лз с седла́ на зе́млю.

Под Пе́тькой уби́ли коня́. Конь, тяжело́ ру́хнув, придави́л ему́ но́гу.

Чапа́ев уви́дел э́то.

Он соскочи́л с коня́, подбежа́л к Пе́тьке и помо́г ему́ освободи́ть но́гу. Пото́м ки́нулся на вы́ручку к Бубенцу́.

Чапа́ев руби́л напра́во и нале́во, а позади́ него́ Пе́тька стреля́л в бе́лых из нага́на.

Враги́ не вы́держали на́тиска и бежа́ли.

КРАСНЫЙ АВТОМОБИЛЬ

По степно́й доро́ге мча́лся кра́сный автомоби́ль.

В нём сиде́ли дво́е: шофёр и Чапа́ев.

Чапа́ев, перегну́вшись за борт маши́ны, зо́рко вгля́дывался в даль. Позади́ него́ стоя́л пулемёт ду́лом наза́д.

Круго́м лежа́ла ро́вная, вы́горевшая от со́лнца степь. Далеко́ впереди́ видне́лась колоко́льня.

Шофёр повёл маши́ну быстре́й.

— Ну, — сказа́л Чапа́ев, — ско́ро бу́дем пить чай.

Шофёр по́днял го́лову.

— Чайку́ непло́хо бы тепе́рь, това́рищ Чапа́ев! — проговори́л он ве́село.

Ско́ро показа́лись и крестья́нские и́збы.

Ещё мину́та — и маши́на понесла́сь по дереве́нской у́лице.

Мелькну́ли зелёные огоро́ды, покоси́вшиеся плётни, жёлтые подсо́лнухи у чьего́-то крыльца́... Дереве́нская пыль поднима́лась клуба́ми[2] за полетевшим автомоби́лем.

На пло́щади, недалеко́ от це́ркви, шофёр останови́л маши́ну.

Чапа́ев встал.

— Смотри́, мальчи́шек к мое́й пу́шке не подпуска́й, — кивну́л он на пулемёт.

На у́лице появи́лась кака́я-то же́нщина. Чапа́ев кри́кнул ей:

---

[1] По́днял коня́ на дыбы́ — по́днял коня́ на за́дние но́ги.

[2] Пыль поднима́лась клуба́ми — тоз бурум бурум галхырды.

— Где тут у вас сельсове́т?

Же́нщина испу́ганно взмахну́ла рука́ми и скры́лась.

Чапа́ев оберну́лся и по́нял, что де́ло нела́дно. На пло́щади стоя́л и вгля́дывался в автомоби́ль челове́к с пого́нами на плеча́х. В нём нетру́дно бы́ло призна́ть бе́лого офице́ра. Не сводя́ глаз с маши́ны, он расстегну́л висе́вшую у по́яса кобуру́ и вы́нул нага́н.

Из переу́лка показа́лось тро́е солда́т.

— Ну, това́рищ, крути́, — проговори́л Чапа́ев негро́мко, — закру́чивай мото́р: в дере́вне бе́лые.

Шофёр стал бы́стро заводи́ть не осты́вший ещё мото́р, а Чапа́ев одни́м взма́хом поверну́л пулемёт и прице́лился.

Шофёр присе́л как мо́жно ни́же к земле́ и крути́л изо всех сил ру́чку мото́ра.

— Не успе́ешь закрути́ть — пропа́ли мы, — сказа́л Чапа́ев. В э́то вре́мя разда́лся револьве́рный вы́стрел. Пу́ля пропе́ла над са́мым у́хом шофёра. Но он уже́ завёл мото́р и вскочи́л в каби́ну.

Маши́ну си́льно рвану́ло — шофёр сра́зу взял са́мую бе́шеную ско́рость.

Тепе́рь со всех сторо́н бежа́ли к ним бе́лые. Но ско́ро останови́лись: маши́на кру́то поверну́ла[1], Чапа́ев откры́л стрельбу́ из пулемёта.

Пу́ли полукру́гом легли́ по всей у́лице.

В конце́ дере́вни уже́ показа́лись ска́чущие во весь дух ко́нные белогварде́йцы.

Маши́ну трясло́ на уха́бах. Чапа́ев, прильну́в к пулемёту, стреля́л без остано́вки.

Опя́ть метну́лись ми́мо зелёные огоро́ды, ста́рые плетни... Вот уже́ степь дохну́ла в лицо́ сухи́м и го́рьким за́пахом полы́ни...[2] А сза́ди несли́сь бе́лые кавалери́сты.

Шофёр нагну́л го́лову к са́мому рулю́ и боя́лся огляну́ться. С мину́ты на мину́ту он ждал, что пу́ля пробьёт ши́ну — и тогда́ коне́ц. А позади́, заставля́я дрожа́ть весь ку́зов маши́ны, отры́висто и ча́сто стуча́л пулемёт Чапа́ева. И вдруг замо́лк.

Шофёр услыха́л чуть охри́пший го́лос Чапа́ева:

— Патро́ны ко́нчились.

Автомоби́ль был уже́ среди́ ро́вной степи́. Бе́лые кавалери́сты скака́ли далеко́ позади́. Ско́ро они́ са́ми по́няли, что

---

[1] Кру́то поверну́ла — бирдэн-бирэ дөндү

[2] За́пах полы́ни — јовшан ији

им не догна́ть си́льную маши́ну, и поверну́ли наза́д — подбира́ть уби́тых и ра́неных.
Чапа́ев вдруг засмея́лся:
— Вот так напили́сь ча́ю!
Шофёр не расслы́шал: ско́рость была́ бе́шеная, ве́тер свисте́л в уша́х.
А когда́ маши́на пошла́ ти́ше, шофёр услы́шал:

По моря́м, по волна́м,
Ны́нче — здесь, за́втра — там...
По-о моря́-ам...

Шофёр огляну́лся. Положи́в ладо́нь на горя́чее ду́ло пулемёта, Чапа́ев пел и заду́мчиво щу́рил си́ние свои́ глаза́.

КЛИНЦОВСКИЕ РЕБЯТА

Одна́жды Чапа́ев отпра́вился в разве́дку.
Он и че́тверо бойцо́в е́хали верхо́м. А позади́, на тача́нке с пулемётом, сиде́ли Пётр Иса́ев и восьмиле́тний сын Чапа́ева, Арка́дий.
Наступи́л ве́чер. Чапа́евцы уви́дели небольшо́й лесо́к и ря́дом с ним ре́чку. Далеко́ за ре́чкой видне́лась дере́вня Клинцо́вка.
Около дере́вни пасло́сь деся́тка три лошаде́й. Их стерегли́ дереве́нские ребя́та. Что́бы не испуга́ть ребя́т, Чапа́ев посла́л вперёд своего́ сы́на Арка́дия.
— Ты кто? — спроси́ли ребя́та Арка́дия.
— Чапа́ев, — отве́тил тот.
Ребя́та засмея́лись:
— Ну да! Чапа́ев, небо́сь на грома́дном коне́, и ша́шка у него́ серебря́ная.
В э́то вре́мя Васи́лий Ива́нович закрича́л изда́ли:
— Ребя́та! Вы клинцо́вские?
— Клинцо́вские, — отве́тили они́ и ста́ли понемно́гу подходи́ть бли́же.
— Что вы тут де́лаете?
— А мы коне́й карау́лим, что́б их враги́ не угна́ли.
— В дере́вне, зна́чит, бе́лые?
— Ага́.
— Мно́го их там?
— Мно́го.
Чапа́евцы сошли́ с коне́й и ста́ли совеща́ться.

Тени от деревьев становились всё длинней, солнце стало опускаться за верхушки деревьев.

Ребята нарубили было сучьев для костра, но как только увидали пулемёт — про костёр забыли. Они всё ближе подходили к тачанке.

— А вы смелые? — спросил их Чапаев.

— Ну понятно, смелые! — ответил самый старший парнишка; было ему лет четырнадцать.

— Белых из деревни выгнать хотите?

— Хотим.

— Ну, тогда слушайте меня, — сказал Василий Иванович.

Он велел ребятам нарубить новых палок и содрать с них кору.

Потом Чапаев приказал:

— Когда станет совсем темно, садитесь на коней и скачите к Клинцовке. Да палками, как саблями, повыше размахивайте. А как услышите выстрелы, тикайте по домам[1].. Ясно?

— Ясно, — ответили клинцовские ребята.

Пока стругали ивовые палки, примеряли их — годятся ли для сабель, — пока садились на лошадей и выстраивались в ряды, наступила ночь.

Ребята помчались на конях к деревне.

А Чапаев со своими бойцами подъехал к Клинцовке с другой стороны.

Он выстрелил в темноте из револьвера и бросил вверх ракету. Ракета с шипеньем взвилась высоко в воздух и рассыпалась синими искрами.

Сонные враги выбежали на улицу и при свете ракеты увидели: скачут к ним конные с поднятыми саблями.

Потом ракета погасла, и всадники скрылись в темноте.

А в это время с другой стороны деревни застучал пулемёт, загремели револьверные выстрелы.

Едва успели белогвардейцы схватить оружие, как на них налетели конники с Чапаевым во главе.

Белоказаки растерялись. Теперь они видели, что красные несутся на них со всех сторон.

И враги побросали оружие, начали прятаться по дворам.

---

[1] Тикайте по домам — бегите по домам.

Чапа́ев со свои́ми пятью́ бойца́ми стал объезжа́ть дворы́ и забира́ть пле́нных.

А в э́то вре́мя клинцо́вские ребя́та с иво́выми па́лками сиде́ли уже́ по свои́м и́збам. Как веле́л Чапа́ев, они́ при пе́рвом вы́стреле бро́сились бежа́ть в ра́зные сто́роны.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Отря́д Чапа́ева увели́чивался с ка́ждым днём. В нём бы́ло уже́ не́сколько ты́сяч бойцо́в — це́лая диви́зия.

И стал Чапа́ев нача́льником диви́зии.

А комисса́ром к нему́ присла́ли Дми́трия Фу́рманова.

Одна́жды но́чью пошёл Фу́рманов проверя́ть красноарме́йские посты́. Он уви́дел посреди́ дере́вни костёр и подошёл побли́же.

У костра́ сиде́ли красноарме́йцы, кипяти́ли в ведре́ во́ду и вполго́лоса вели́ разгово́р.

— А кто он бу́дет?.. Из каки́х он, Чапа́ев-то?..

— Из таки́х, как мы с тобо́й. Пло́тник он. До войны́ с пило́й и топоро́м всю Сара́товскую губе́рнию обошёл да всю Ура́льскую о́бласть. Он тут ка́ждую дере́вню зна́ет. Без ка́рты все пути́-доро́жки, все тро́почки до са́мого Ура́ла по́мнит. А сам он крестья́нин, бедня́цкого ро́ду[1], Балашо́вского уе́зда, Сара́товской губе́рнии. С ма́лых лет рабо́тать пошёл. Бы́ло ему́ лет двена́дцать, о́тдали его́ купцу́ — това́р отве́шивать на веса́х. И стал его́ купе́ц учи́ть, как обве́шивать да обма́нывать люде́й. А он не хо́чет. Купе́ц его́ за э́то и прогна́л.

— Прогна́л?

— Вы́гнал вон из свое́й ла́вки. А Чапа́ев — сам зна́ешь, како́й он, — неу́жто стéрпит?! Он и тогда́ за пра́вду стоя́л. Купе́ц бога́тый, а Чапа́ев не испуга́лся. «Жу́лик ты!» — говори́т...

— О?!

— Купе́ц тут от зло́сти чуть не задохну́лся. Не привы́к к пра́вильному разгово́ру. «Я, — говори́т, — зна́ешь, что с тобо́й по зако́ну сде́лаю?» А у буржу́я како́й зако́н? «Захочу́ — в гроб заколочу́» — вот како́й у него́ зако́н. «Я тебя́, — кричи́т купе́ц Чапа́еву, — не то́лько из моего́ до́ма, я тебя́ и из села́ вы́гоню!» Васи́лий Ива́нович погляде́л на него́, да и отвеча́ет: «А совсе́м с земли́ прогна́ть меня́ не мо́жешь? И те

[1] Бедня́цкого ро́ду — из бе́дной семьи́.

ла́дно. А я тебя́, гляди́-ко, вы́гоню, дай срок!» И вот, ви́дно, срок э́тот наста́л!.. Вот с каки́х пор Чапа́ев вражду́ с буржу́ем ведёт...

Разгово́р на мину́ту умо́лк.

Фу́рманов присе́л к огню́ на ко́рточки, доста́л уголёк и раскури́л им свою́ тру́бку.

Оди́н красноарме́ец проговори́л негро́мко:

— Расскажи́, Ереме́ев, про часы́.

Плечи́стый бое́ц в чёрной папа́хе откли́кнулся:

— Да ведь расска́зывал уже́...

— А ты ещё раз расскажи́. Вон това́рищ, — красноарме́ец кивну́л на Фу́рманова, — небо́сь, не слыха́л.

Ереме́ев помолча́л немно́го и пото́м на́чал:

— Бы́ло э́то, когда́ мы белоказа́ков выбива́ли из стани́цы Сломи́хинской. Не дошли́ ещё до стани́цы — ра́нили меня́ в го́лову. Мину́т де́сять я, должно́ быть, без па́мяти про́был[1]. Ну, а пото́м сде́лали мне перевя́зку, взял я винто́вку, опя́ть пошёл вперёд. Иду́, а сам шата́юсь. Погляжу́ на не́бо — со́лнце мне чёрным ка́жется.

— Ослабе́л, зна́чит?

— Ослабе́л. И не то чтоб от бо́ли, а скоре́й всего́ — мно́го кро́ви потеря́л. Да. Иду́ шата́юсь. Подпира́юсь винто́вкой. До́лго ли шёл, и не по́мню. Гляжу́ — Чапа́ев передо мной. «Ты куда́? — спра́шивает. — Тебе́ в го́спиталь на́до, отдыха́ть, ра́ну зале́чивать». Погляде́л я на Васи́лия Ива́новича, и вро́де веселе́й мне ста́ло. Отвеча́ю я ему́ гро́мким го́лосом. «Нет, — говорю́, — това́рищ Чапа́ев, отдыха́ть мне ещё не пора́». Гля́нул он на меня́, помолча́л. Пото́м вынима́ет из карма́на часы́ и подаёт мне: «Носи́! По́мни Чапа́ева». Я заробе́л[2] бы́ло, не беру́ часо́в: «Что ты, Васи́лий Ива́нович! Часы́ тебе́ самому́ нужне́й...» А он как осерча́ет[3]: «Бери́, говорю́, заслужи́л награ́ду! А Чапа́ев своего́ никогда́ сло́ва не меня́л!»

— А да́льше? — спроси́л Фу́рманов.

— Что ж да́льше... Взял я часы́, пошёл в бой.

Вода́ в ведре́ закипе́ла. Ереме́ев вы́нул из костра́ жжёную хле́бную ко́рочку и бро́сил её в ведро́ — навари́л чай.

— А ты давно́ зна́ешь Чапа́ева? — опя́ть спроси́л Ереме́ева Фу́рманов.

---

[1] Без па́мяти про́был — потеря́л созна́ние

[2] Заробе́л — застесня́лся

[3] Осерча́ет — рассе́рдится

— Давно́. Да по всей земле́ пройди́ — небо́сь везде́ его́ зна́ют. Про Чапа́я сла́ва далеко́ идёт.

Оди́н из красноарме́йцев зашевели́лся у костра́ и сказа́л:

— Чудно́ мне друго́й раз пока́жется: тако́й же вот просто́й челове́к, как мы с тобо́й, а смотри́ чего́ дости́г.

— Просто́й-то он просто́й, а всё ж таки́ осо́бенный. Я по своему́ зва́нию пло́тник. И Чапа́ев пло́тник. А выхо́дит: таки́х, как мы с тобо́й, мно́го, а Чапа́ев — оди́н.

Ереме́ев замолча́л.

Фу́рманов кури́л и ду́мал о Чапа́еве: лю́бят и уважа́ют его́ бойцы́. Да и не то́лько бойцы́, а и крестья́не, всё населе́ние. Поговори́т крестья́нин с Васи́лием Ива́новичем и сра́зу уви́дит, пове́рит: побьёт Чапа́ев белогварде́йцев! Вы́ступит Чапа́ев с ре́чью — всё круго́м зати́хнет. Как-бу́дто и обыкнове́нные, просты́е слова́ говори́т, а слу́шают его́ так, что боя́тся дыша́ть гро́мко.

Лю́бит наро́д своего́ геро́я.

Молодо́й красноарме́ец переби́л ду́мы Фу́рманова:

— Вчера́ подиви́лся я на Чапа́ева, как он вы́шел в круг пляса́ть. По́яс на себе́ попра́вил, ша́шку подхвати́л, да как пойдёт! То́лько шпо́ры звеня́т да папа́ха наза́д ва́лится...

— За то и люб он бойца́м, — отве́тил Ереме́ев. — Сего́дня он из одного́ котелка́ с тобо́й похлеба́ет, под гармо́нь спля́шет, а за́втра в бой поведёт — гроза́-команди́р. И тут же ему́ сло́ва напро́тив не ска́жешь. Да и что говори́ть! С ним идёшь — не бои́шься. Зна́ешь, что у Чапа́ева всё обду́мано, всё рассчи́тано да на ка́рте разме́рено. Оши́бки у него́ в бою́ не быва́ет.

Начина́лся рассве́т. Фу́рманов подня́лся от костра́, жале́я, что не мо́жет дослу́шать до конца́ разгово́р красноарме́йцев. Он реши́л, что бойцы́ его́ так и не узна́ли.

Но как то́лько он ушёл, Ереме́ев проговори́л:

— Но́вый комисса́р. Фу́рман — фами́лия. Васи́лий Ива́нович его́ призна́л, да не сра́зу. Тот прие́хал: «Вот мои́ бума́ги». А Чапа́ев ему́: «Я команди́ра и комисса́ра в бою́ признаю́». Бума́ги, мол, бума́гами, а ты покажи́ себя́ под пу́лями. Ну, а тепе́рь призна́л Васи́лий Ива́нович комисса́ра. Тепе́рь они́ друзья́-това́рищи.

Красноарме́йцы замолча́ли и ста́ли прислу́шиваться.

— Поёт... — сказа́л вполго́лоса па́рень. — Ух, и лю́бит пе́сню!

И в са́мом де́ле, в избе́ затяну́ли пе́сню.

Это была́ люби́мая чапа́евская: «Сижу́ за решёткой в темни́це сыро́й».

Запева́л сам Васи́лий Ива́нович.

Команди́ры и красноарме́йцы дру́жно подтя́гивали: э́ту пе́сню зна́ли в диви́зии все.

Но пе́ли недо́лго.

Чапа́ев на рассве́те уезжа́л вме́сте с команди́рами на передовы́е пози́ции: жда́ли большо́го бо́я.

Чапа́ев подошёл к своему́ коню́ и легко́ вскочи́л в седло́.

Во́льный ве́тер прилете́л из степи́, донёс за́пах цвето́в и ско́шенной травы́.

Со́лнце подыма́лось над роси́стой, осты́вшей за́ ночь землёй.

БОЙ

Впереди́ видне́лась стани́ца.

Она́ была́ занята́ ура́льскими белоказа́ками. Сле́ва от стани́цы, на холма́х, стоя́ли высо́кие ветряны́е ме́льницы.

Чапа́евцы наступа́ли с трёх сторо́н: два полка́ обходи́ли стани́цу с боко́в, а посереди́не, в са́мом опа́сном ме́сте шёл полк ива́ново-вознесе́нских рабо́чих.

Бе́лые на́чали пулемётный обстре́л ра́ньше, чем мо́жно бы́ло ожида́ть. Но пу́ли несли́сь не из стани́цы. Пулемёты проти́вника би́ли с высо́ких ветряны́х ме́льниц, стоя́вших в стороне́ на холма́х.

Чапа́ев привста́л на стремена́х и зо́рко гляде́л в бино́кль. Ры́жий конь горячи́лся под ним, не хоте́л стоя́ть на ме́сте. Чапа́ев поверну́л его́ и поскака́л в ту сто́рону, где стоя́ли на́ши тяжёлые ору́дия. На всём скаку́ он махну́л руко́й команди́ру батаре́и, и тот подбежа́л к нему́ вы́слушать прика́з.

— Бить по ветряка́м! — закрича́л Чапа́ев.

Команди́р бего́м бро́сился к свое́й батаре́е. Тепе́рь ору́дия греме́ли с обе́их сторо́н. Каза́лось, само́ не́бо гото́во расколо́ться.

А Чапа́ев скака́л уже́ в друго́м конце́ по́ля. Чёрная бу́рка его́ распласта́лась по ве́тру, как кры́лья.

Ива́ново-вознесе́нцы услы́шали позади́ себя́ его́ го́лос:

— Пулемёты в поря́дке? Патро́нов хвата́ет?..

И бойцы́, чу́вствуя, что Васи́лий Ива́нович непода лёку,

смотре́ли веселе́й, стара́лись подтяну́ться, вы́глядеть молодца́ми, походи́ть на него́ самого́.

Бой разгора́лся. Вдали́ пыла́ла ветряна́я ме́льница — её зажгли́ снаря́ды на́шей артилле́рии. Сквозь шум бо́я с холмо́в доноси́лся гро́мкий треск: взрыва́лись в огне́ пулемётные патро́ны.

То тут, то там с оглуши́тельным гро́хотом выраста́л чёрно-ры́жий куст огня́. Санита́ры подбира́ли пе́рвых ра́неных.

Вдруг бойцы́ за́мерли: неприя́тельский снаря́д разорва́лся на том са́мом ме́сте, где находи́лся Чапа́ев.

Все ви́дели, как подня́лся на дыбы́ его́ ры́же-золоти́стый конь и пропа́л из глаз вме́сте с вса́дником.

Но рассе́ялся чёрный дым, и ви́дят бойцы́ — ска́чет вдоль це́пи Васи́лий Ива́нович невреди́мый. Оско́лки снаря́да пролете́ли вокру́г него́ дождём, а его́ самого́ не заде́ли.

Со стороны́ стани́цы слы́шались кри́ки, ги́канье, то́пот: то лете́ла в ата́ку ко́нница бе́лых.

Кра́сные пулемётчики припа́ли к пулемётам и жда́ли. Раздала́сь кома́нда:

— Ого́нь!

Гря́нул залп. И тут же застуча́ли пулемёты.

Вот упа́л оди́н белогварде́ец, друго́й, взвила́сь на дыбы́ ра́неная ло́шадь и запроки́нулась на́ спину. Друга́я ло́шадь носи́лась, как безу́мная, по́ полю под вы́стрелами и тащи́ла за собо́й казака́: ви́дно, он, когда́ па́дал, не успе́л вы́нуть ногу из стре́мени.

— Ого́нь!!

Сно́ва залп. И сухо́й треск пулемёта.

— Ого́нь!!!

Над холмо́м подняло́сь огро́мное багро́вое пла́мя: сби́та была́ на́шим ору́дием и запыла́ла втора́я ме́льница.

Ещё два за́лпа да́ли чапа́евцы. И бе́лые не вы́держали — оди́н за други́м ста́ли повора́чивать коне́й наза́д, к стани́це.

В э́то вре́мя послы́шался тя́жкий гул: с ле́вой стороны́ стани́цы показа́лись два неприя́тельских броневика́. Они́ бы́ли по́сланы, что́бы смять красноарме́йские це́пи и расстреля́ть бегу́щих.

Но случи́лось то, чего́ ника́к не ожида́ли враги́.

Броневики́ бы́ли уже́ бли́зко, а цепь ива́ново-вознесе́нцев не дро́гнула. Она́ то́лько слегка́ раздви́нулась и пропусти́ла их. Когда́ оди́н из броневико́в был совсе́м ря́дом, красноарме́ец Андре́й Кру́тов подня́лся во весь рост и ки́нул грана́ту под колёса. Разда́лся треск, и броневи́к застря́л на ме́сте.

окутанный чёрным дымом. А другой круто повернул назад.

Теперь горели уже все три ветряка. Ветер раздувал пламя. Пулемёты со стороны мельницы замолкли.

Из станицы снова вылетела конница противника. Теперь, на близком расстоянии, она была для пехоты страшной.

Но тут в цепи красных послышались радостные возгласы:

— Чапай! Чапай!..

Отведя в сторону правую руку с остро отточенной шашкой, он весь перегнулся вперёд и как будто хотел опередить своего скакуна, который и так летел далеко впереди эскадрона. Не только наши бойцы узнали Чапаева. Узнали его и белые. И вот, один за другим, белоказаки стали поворачивать коней назад.

Напрасно размахивал саблей офицер. Напрасно старался он остановить своих всадников.

Ещё минута — и вслед за конницей иваново-вознесенцы ворвались в станицу.

За станичной улицей расстилался простор.

И увидели герои-бойцы, как далеко в степи скачут, поднимая пыль, всадники: то спасались бегством остатки белых.

«ЧАПАЁНОК»

Отряд Чапаева стоял на отдыхе в большом селе.

Рядом с избой, где остановился Василий Иванович, был двор Лагутиных. В семье Лагутиных самым младшим был Гриша. Ему шёл пятый год.

Однажды Гриша отправился к Чапаеву один, тайком от сестры. Сестра ему казалась большой — ей пошёл уже тринадцатый год; играть в войну она не хотела и вообще была девочкой, с ней даже разговаривать было скучно.

Гриша вошёл во двор и неторопливо зашагал вперёд.

Кругом было много интересного. У хлевов стояли две осёдланные лошади, мотали головами, звенели уздечками. Сёдла на них были жёлтой кожи, стремена висели высоко, по-казачьи.

В пыли бродил одинокий петух. Он гордо выгнул шею и поглядел на Гришу жёлтым сверкающим глазом.

В самом конце двора, около сарая, росли лопухи. Вот бы порубить их ивовым прутом, так чтобы они легли наземь, как беляки под саблей Чапаева!

Но недалеко́ от лопухо́в сиде́л на широ́ком бревне́ Пётр Иса́ев. Во́рот руба́хи у него́ был расстёгнут, стальна́я потемне́вшая цепо́чка вила́сь че́рез всю его́ грудь и конча́лась больши́м кольцо́м. Кольцо́ бы́ло приде́лано к ру́чке нага́на, а сам нага́н торча́л из-за широ́кого ко́жаного по́яса.

По-осо́бенному сиде́ла на нём и папа́ха, сдви́нутая на заты́лок так далеко́, что вот-вот сва́лится. К папа́хе была́ наиско́сь приши́та кра́сная ле́нта.

Пётр Иса́ев лени́во прито́пывал каблуко́м, позвя́кивал шпо́рой и гляде́л на Гри́шу Лагу́тина.

— А вам куда́, граждани́н? — стро́го закрича́л он.

Гри́ша останови́лся.

— Где был? — уже́ ти́ше спроси́л его́ Пётр, сел на бревне́ поудо́бней и положи́л на коле́ни дли́нную ша́шку в чёрных но́жнах.

Гри́ша оробе́л, но не о́чень. Он ни в чём не был винова́т. С са́мого утра́ он вёл себя́ сми́рно. А на петуха́ с жёлтым гла́зом да́же и не замахну́лся.

Помолча́в немно́го и пососа́в па́лец, Гри́ша реши́лся отве́тить:

— Ходи́л на ре́чку с тётей На́стей.

— А почему́?

— Бельё полоска́ть.

— А почему́?

Гри́ша погляде́л и́скоса, бо́ком. Петра́ Иса́ева он знал уже́ с неде́лю, но поня́ть его́ не мог: то смеётся, то пыта́ет вся́кими вопро́сами, а то и са́хару даст.

Сейча́с Пётр гро́зно хму́рил свои́ ре́денькие, вы́горевшие на со́лнце бро́ви.

Гри́ше и бо́язно ста́ло и уйти́ не хоте́лось от мужчи́ны, уве́шанного ору́жием.

— Почему́? — повтори́л Иса́ев.

— Чтоб чи́сто бы́ло, — отве́тил наконе́ц Гри́ша.

— А как тебя́ зову́т?

— Небо́сь зна́ешь: Гри́шкой.

— А почему́ Гри́шкой?

Гри́ша уже́ на́чал расстра́иваться, но тут Пётр вскочи́л с бревна́:

— До́брого здоро́вья, Васи́лий Ива́нович!

Гри́ша огляну́лся: от воро́т шёл к до́му Чапа́ев. Он ве́село похло́пывал хлысто́м по свои́м запылённым сапога́м.

— Эй, орёл, с чего́ загрусти́л? — спроси́л он Гри́шу.

Тот пыхте́л и ничего́ не отвеча́л.

Чапа́ев стоя́л перед ни́м ла́дный и краси́вый, как всегда. Кори́чневые ремни́ пересека́ли его́ гимнастёрку, револьве́р висе́л в тяжёлой деревя́нной кобуре́, сапоги́ бы́ли ло́вко подтя́нуты у коле́н ремешка́ми.

— А са́бля твоя́ где? — сказа́л наконе́ц Гри́ша.

— До́ма оста́вил. Придёшь в го́сти — покажу́.

— А когда́?

— В го́сти-то? Да хоть сейча́с. Я тебя́ на са́блю верхо́м посажу́: тут тебе́ и конь, тут тебе́ и ору́жие.

Чапа́ев взял Гри́шу за́ руку и повёл к избе́.

Часово́й, стоя́вший у крыльца́, пропусти́л их улыба́ясь. Но то́лько они́ прошли́, как че́рез дво́р пролете́ла к избе́ Гри́шина сестра́ Ли́да.

— Пришёл Чапа́ев? — запыха́вшись, спроси́ла она́ часово́го и подняла́сь было на крыльцо́.

Часово́й загороди́л дверь винто́вкой.

— А заче́м тебе́ това́рищ Чапа́ев?

— Я к нему́ в отря́д хочу́.

Часово́й захохота́л:

— В отря́д? Погоди́, до́чка, годо́в семь. Подрасти́. А тогда́ и в отря́д.

— Да, подрасти́! Пока́ подрастёшь, и война́ ко́нчится.

— Не ко́нчится. Мы без тебя́ не спра́вимся.

Де́вочка вдруг бы́стро нагну́лась и под ду́лом винто́вки пры́гнула к двери́.

— Стой! — закрича́л часово́й.

На крыльцо́ вы́глянул Чапа́ев:

— Что за шум?

— Да вот, Васи́лий Ива́нович, де́вочка чапа́евцем хо́чет стать. А я говорю́: мала́, подрасти́ сперва́.

— Ты чья? — спроси́л Чапа́ев де́вочку. — Как тебя́ зову́т?

— Ли́дкой. По фами́лии Лагу́тина.

Васи́лий Ива́нович знал исто́рию семьи́ Лагу́тиных. Па́вел Лагу́тин сража́лся про́тив бе́лых в Ура́льске. Де́ти его́ жи́ли у тётки На́сти. Тётка не о́чень-то была́ ра́да, что ей пришло́сь корми́ть двои́х дете́й; в то вре́мя в деревня́х бли́зко от фро́нта хле́ба не хвата́ло.

— А, тепе́рь я тебя́ узна́л. Это твой оте́ц — Па́вел Лагу́тин? — спроси́л Васи́лий Ива́нович.

— Ага́.

— Ну, заходи́, Ли́да. Твой брат Григо́рий Па́влович у ме-

ня́ гости́т. Ли́да вошла́ в го́рницу[1] и сра́зу ста́ла серди́той.

— Гри́нька, ступа́й домо́й сейча́с же! — кри́кнула она́ бра́ту.

Гри́ша стоя́л о́коло скаме́йки, где лежа́ла ша́шка Чапа́ева. Он как раз собира́лся потро́гать па́льцем сере́бряную рукоя́тку.

— Как же, «ступа́й»! — проговори́л он ба́сом. — Умная кака́я! Сама́ ступа́й!

Васи́лий Ива́нович покрути́л усы́, походи́л по ко́мнате, поду́мал.

— Ну, ла́дно, Ли́да, — сказа́л он наконе́ц. — Мала́-то ты мала́, да, знать, шустра́. Приду́маем тебе́ в отря́де де́ло.

Так и оста́лась в отря́де Ли́да Лагу́тина.

Бойцы́ ско́ро её полюби́ли и прозва́ли «чапаёнком».

Оди́н раз да́же позво́лили ей пойти́ в ночно́й дозо́р[2].

И там но́чью, уже́ под са́мое у́тро, когда́ челове́ка осо́бенно одолева́ет сон, Ли́да заме́тила каки́е-то те́ни, мелька́вшие далеко́ впереди́. Она́ потихо́ньку поползла́ наза́д, к своему́ батальо́ну, и разбуди́ла красноарме́йцев. Те бы́стро вскочи́ли, взя́ли ору́жие и встре́тили врага́ дру́жным огнём из винто́вок.

Так и не удало́сь бе́лым напа́сть на чапа́евцев враспло́х.

По́сле э́того бойцы́ ещё бо́льше полюби́ли «чапаёнка» Ли́ду.

Но одна́жды был слу́чай, когда́ она́ рассерди́ла Васи́лия Ива́новича.

Ка́к-то слома́лась у неё похо́дная деревя́нная ло́жка. Она́ недо́лго ду́мая забежа́ла в пусто́й каза́чий дом, схвати́ла со стола́ чью́-то ло́жку и верну́лась в батальо́н.

А когда́ се́ли обе́дать, Чапа́ев спроси́л:

— Отку́да у тебя́ така́я ло́жка? Я твою́ по́мню — та деревя́нная была́, а э́та желе́зная.

Ли́да покрасне́ла.

— Да до́м-то ведь бро́шенный, Васи́лий Ива́нович, — сказа́ла она́.

Васи́лий Ива́нович уда́рил кулако́м по́ столу.

— На коня́! — закрича́л он.

Ли́да о́чень горди́лась тем, что она́ ми́гом мо́жет испо́лнить любу́ю кома́нду, а кома́нду Чапа́ева — тем бо́лее.

---

[1] В го́рницу — в чи́стую полови́ну крестья́нской избы́

[2] Дозо́р — разве́дывательная, наблюда́тельная гру́ппа

Она́ вскочи́ла, вы́бежала во двор и че́рез мину́ту уже́ подъезжа́ла к крыльцу́ верхо́м на коне́.

Чапа́ев вы́шел на крыльцо́, погляде́л на Ли́ду серди́то и сказа́л:

— Скачи́ и положи́ ло́жку там, где взяла́. Ра́зве мо́жет чапа́евец брать чужо́е? Смотри́, чтоб в друго́й раз не пришло́сь тебе́ э́то повторя́ть!

Чапа́ев да́же покрасне́л — до того́ рассерди́лся.

Ли́да скоре́й поскака́ла, разыска́ла пусто́й каза́чий дом и положи́ла ло́жку на ме́сто.

С тех пор она́ ни ра́зу ни в чём не провини́лась и с че́стью носи́ла своё зва́ние «чапаёнка».

ПРИКАЗ ЛЕНИНА

Победи́ли чапа́евцы белоказа́ков и в нача́ле 1919 го́да дви́нулись в похо́д про́тив Колчака́.

Ца́рский адмира́л Колча́к шёл в то вре́мя из Сиби́ри на Москву́. У него́ была́ огро́мная а́рмия.

Но ско́ро колча́ковцы почу́вствовали на себе́ уда́ры Чапа́ева. Колча́к отступи́л за реку́ Бе́лую и укрепи́лся там на высо́ком берегу́, у го́рода Уфы́. А на друго́м — ни́зком — берегу́ реки́ стоя́ла диви́зия Чапа́ева.

Чапа́ев не теря́л ни мину́ты. Бойцы́ вяза́ли из брёвен плоты́, гото́вились к перепра́ве. Раздобы́ли не́сколько ло́док. А тут из села́ Кра́сный Яр при́была ра́достная ве́сть: там отби́ли у бе́лых два парохо́да.

— Ну, тепе́рь Колчаку́ не зацепи́ться, — сказа́л оди́н из красноарме́йцев. — Так тепе́рь и пока́тится из Уфы́ в Сиби́рь.

Он погляде́л вперёд. Там, за реко́й, вы́силась песча́ная гора́. На ней видны́ бы́ли дома́, каза́вшиеся и́здали совсе́м кро́шечными. Среди́ них кори́чневым сто́лбиком торча́ла пожа́рная каланча́.

Чапа́ев подошёл ти́хо и гляде́л, посме́иваясь, на красноарме́йца.

— Что, высо́кая гора́? — спроси́л он.

Красноарме́ец бы́стро поверну́лся и уви́дел Васи́лия Ива́новича. Он бы́ло покрасне́л, гля́нул опя́ть на уфи́мскую гору́ и отве́тил:

— Ну что ж, высо́кая! Всё равно́ не заце́пится Колча́к за г

неё. Над берегом, где стояли чапаевцы, появился вражеский самолёт и принялся обстреливать переправу.

Как раз в это время приехал командующий фронтом товарищ Фрунзе. Он привёз приказ Ленина — во что бы то ни стало взять Уфу и отбить у Колчака Урал с его заводами и железными дорогами.

Чапаевцы были уверены в победе.

Первым переправился через реку у Красного Яра рабочий Иваново-Вознесенский полк. Но скоро ему пришлось остановиться: нужно было подождать подкрепления, помощи.

А в это время Колчак повёл наступление.

Ивановцы, обороняясь, расстреляли почти все патроны и стали отходить назад, к реке. Вдруг к ним подскакали несколько всадников. Один из них быстро соскочил с коня, схватил винтовку и пошёл впереди полка. Бойцы узнали в нём Фрунзе.

И таким бешеным был в этот раз натиск героев-ивановцев, что колчаковцы дрогнули и снова отступили.

Однако Колчак не хотел отдавать Уфу без решительного сражения. Целый день шёл кровавый бой. Успех был то на одной стороне, то на другой стороне.

В этом бою Чапаева опасно ранили.

Вот как это было.

Над берегом, где переправлялись чапаевцы, кружил вражеский самолёт. Спустившись как можно ниже, он открыл огонь из пулемёта. Одна из пуль попала Чапаеву в голову. Кровь залила ему лоб. Он пробовал шутить: «Ничего, мне кровопускание полезно», а сам зубы стиснул от боли.

Шесть раз пытались вытащить пулю — и шесть раз она срывалась: так крепко засела. Наконец кончили перевязку. Хотели Чапаева отправить в лазарет на лечение, но он отказался и остался в строю.

Тогда же чуть не погиб Фрунзе: бомба убила под ним лошадь, а его самого оглушила.

Вечером к чапаевцам пробрался через фронт один уфимский рабочий. Он рассказал, что ему удалось подслушать разговор белых генералов. Генералы решили рано утром бросить против красных самые сильные колчаковские части.

Это были самые отборные части — они состояли сплошь из офицерских полков, ни одного солдата в них не было: офицеры шли в бой как рядовые, а командовали ими генералы. Они должны были на рассвете прорваться через пози-

ции кра́сных, окружи́ть диви́зию Чапа́ева и уничто́жить её.

Всю ночь чапа́евцы гото́вились к встре́че неприя́теля. Никто́ из бойцо́в не спал в э́ту ночь.

Ра́но у́тром ти́хо-ти́хо, без еди́ного во́згласа, без ля́зга ору́жия[1], ста́ли приближа́ться к на́шим пози́циям офице́рские полки́. Они́ наде́ялись незаме́тно подойти́ к со́нным заста́вам, переколо́ть, напуга́ть, уничто́жить... Но когда́ они́ бы́ли уже́ бли́зко от на́ших цепе́й, со всех сторо́н, по кома́нде, зарабо́тали деся́тки гото́вых к бо́ю пулемётов.

Лу́чшие полки́ Колчака́ бы́ли уничто́жены э́тим огнём. Офице́ры ча́стью полегли́ в по́ле[2], среди́ спе́лой исто́птанной ржи, а ча́стью бежа́ли.

9 ию́ня 1919 го́да чапа́евцы вы́полнили прика́з Ле́нина: Уфа́ была́ взята́.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД ЧАПАЕВА

Но борьба́ ещё не была́ зако́нчена. С ю́га сно́ва на́чали наступа́ть вра́жеские войска́.

Они́ окружи́ли го́род Ура́льск, и Чапа́ев сно́ва пошёл на них в похо́д. Он отогна́л бе́лых от го́рода Ура́льска и за́нял го́род Лби́щенск. За Лби́щенском на со́тни вёрст круго́м тяну́лась степь.

Белоказа́ки, отступа́я, уничтожа́ли всё на своём пути́. Коло́дцы засыпа́ли землёй и́ли отравля́ли я́дом. Бойцы́ Чапа́евской диви́зии му́чились от го́лода и жа́жды. Хлеб сюда́ не подвози́лся по неде́лям.

Красноарме́йцы собира́ли в степи́ зерно́, разма́лывали его́ прикла́дом винто́вки на ка́мне и́ли на колесе́ тача́нки и е́ли. От го́лода и жа́жды начали́сь боле́зни.

И всё-таки чапа́евцы шли вперёд.

Да́льше начина́лись пески́.

Бе́лые хорошо́ понима́ли, что е́сли они́ отсту́пят да́льше, то им коне́ц: в песка́х не найдёшь ни ко́рма лошадя́м, ни глотка́ воды́. Тогда́ они́ реши́лись на отча́янную попы́тку — уничто́жить Чапа́ева.

Победи́ть его́ в откры́том бою́ они́ не наде́ялись. Поэ́тому соста́вили план — захвати́ть его́ враспло́х[3], но́чью.

---

[1] **Без ля́зга ору́жия — без зву́ка от уда́ров ору́жия.**

[2] **Полегли́ в по́ле — уби́ты в по́ле**

[3] **Враспло́х — неожи́данно.**

Василий Иванович со своим штабом остановился в Лбищенске, а всю дивизию послал вперёд. С ним остался только небольшой отряд бойцов.

И вот однажды ночью разъезды белых тихо подобрались к Лбищенску и перебили часовых. За разъездами появились казачьи полки. Потом выяснилось, что белым помогла чья-то измена в штабе Чапаева: кто-то предательски снял с ночного дежурства роту курсантов.

Опасность поздно была замечена чапаевцами — белые уже скакали по улицам, стреляя во все стороны.

Чапаев выскочил во двор полуодетый, с винтовкой в одной руке и револьвером — в другой.

Возле него сразу скопилась кучка бойцов. Они стали отстреливаться.

Это был неравный бой, но кончился он не скоро.

Чапаевцы и не думали бежать, хотя врагов было во много раз больше. Они напали на казаков-пулемётчиков. Это нападение было таким решительным и неожиданным, что враги не выдержали и бежали.

В руках чапаевцев оказались два пулемёта. Они были повёрнуты против белых.

Враги поняли, что открытой атакой им чапаевцев не взять.

Тогда они стали пробираться через сады и огороды, по задворкам, чтобы окружить красноармейцев.

Когда белогвардейцы показались сзади, чапаевцам пришлось отступать. Отстреливаясь, они стали отходить к берегу реки Урал.

Идти туда надо было в гору, на виду у белых. С горы берег обрывался прямо в волны Урала.

Но больше отступать было некуда: всюду пулемёты врагов.

Чапаев ушёл последним — когда кончились патроны.

Пуля пробила ему руку. Он вытер этой рукой своё разгорячённое лицо и оставил на лбу кровавые следы.

Пётр не отходил от него ни на шаг. Он заметил кровь на лице Чапаева и сказал:

— Василий Иванович, голову бы перевязать...

— Голова цела, — отрывисто ответил Чапаев.

Вот и высокий обрыв над рекой. Бойцы помогли Чапаеву спуститься по песчаному крутому обрыву вниз, к реке. Несколько человек отстреливались, задерживая наступление белоказаков.

А как глянули чапаевцы в быстрые волны Урала — у всех замерло сердце: ясно стало, что усталым, израненным бойцам не переплыть реку, не уйти от вражеских пуль.

Но Чапаева надо было спасти во что бы то ни стало. Четыре человека охраняли его со всех сторон.

Двое были скоро убиты — пули белых настигли их у самой воды. Двое других поплыли рядом с Чапаевым.

Пётр остался на берегу Урала и вступил в перестрелку с казаками.

Стреляя, он всё оглядывался: видна ли ещё в волнах Урала голова Василия Ивановича. И видел — плывёт Чапаев. С трудом взмахивая здоровой рукой (другая, раненная, висела, как плеть), Чапаев медленно уходил от врагов.

Белоказаки притащили к реке пулемёт и поставили его наверху, на высоком обрыве.

Пулемётные очереди вспенили воду. Всё вернее прицел брали белые пулемётчики, всё ближе к голове Чапаева падали вражеские пули...

Был убит один из плывущих рядом с Чапаевым бойцов. А Чапаев плыл всё дальше; слабел, выбивался из сил[1], но плыл.

Пётр на берегу оглянулся в последний раз назад и отшвырнул в сторону свою винтовку: кончились патроны. Враги кинулись с обрыва к нему, но он выхватил заветный свой наган, шесть пуль выпустил в наседавших белых, а седьмую — себе в сердце.

А Чапаев всё ещё держался в волнах Урала. Не бежал он! Он уходил от врагов, чтобы на другом берегу собрать подмогу и снова ударить по ним.

Казалось опасность была уже позади. Близок был берег. Шумела на берегу зелёная осока...

И в это время пуля попала ему в голову...

Уцелел только один спутник Чапаева — второй боец, что плыл через Урал рядом с ним.

Выбиваясь из сил, он вылез на берег и оглянулся назад: бурлил позади Урал, и никого не было видно в его мутных волнах.

Так погиб народный герой Василий Чапаев.

Красные части скоро отплатили врагам за смерть Чапаева. Без остановки гнали они белых по безводным степям

---

[1] Выбивался из сил — һалдан дүшүрдү

до са́мого Каспи́йского мо́ря и, разгроми́в их, освободи́ли от вра́жеских во́йск Сове́тскую зе́млю.

Сно́ва проходи́ли бойцы́ по тем места́м, где воева́ли они́ когда́-то вме́сте с Васи́лием Ива́новичем Чапа́евым. Не ве́рилось им, что нет бо́льше Чапа́ева: сли́шком жива́ была́ па́мять о нём.

И жить э́та па́мять в наро́де бу́дет до тех пор, пока́ жив сам наро́д.

А наро́д бессме́ртен.

СКАЗКА

Ива́н Его́рович, ста́рый ко́нюх из колхо́за и́мени Ле́нина, про́жил до́лгую жизнь. Он был пастухо́м, солда́том, пло́тником, воева́л за Сове́тскую власть и ви́дел самого́ Чапа́ева.

Ребя́та из колхо́за зна́ли об э́том. И вот ка́к-то раз приста́ли к Ива́ну Его́ровичу:

— Расскажи́ нам про Чапа́я.

— Это пра́вда, что он утону́л?

А Ива́н Его́рович был не то́лько знамени́тый ко́нюх — он сла́вился ещё тем, что знал много ска́зок и пе́сен. Он сам люби́л слу́шать ска́зки, люби́л и расска́зывать их.

И в тот ве́чер, когда́ ребя́та уж о́чень приста́ли к нему́ — расскажи́ да расскажи́ про Чапа́я, — стари́к ува́жил их про́сьбу.

... И во́все не утону́л Чапа́й в реке́ Ура́л. Не могло́ э́того быть. Чапа́й был ло́вкий. И неда́ром его́ хоро́шим пловцо́м счита́ли. Ура́л-то он переплы́л... И вот когда́ переплы́л он Ура́л, слы́шит — пого́ня за ним, казаки́ летя́т сле́дом на бы́стрых коня́х.

Ви́дит Чапа́ев — впереди́, у са́мого бе́рега лес, как стена́, стои́т, глухо́й, тёмный. Укры́лся он в лесу́, а казаки́ не отстаю́т, догоня́ют. Слы́шно, как позади́ су́чья треща́т, ко́ни храпя́т, казаки́ перегова́риваются. Не́куда Чапа́еву пода́ться[1].

И встре́тилась ему́ в тёмном том лесу́ медве́жья берло́га. Он и залёз в неё.

Казаки́ ми́мо прое́хали. Тогда́ Чапа́ев вы́лез и пошёл в другу́ю сто́рону. Шёл, шёл — вы́шел в степь. А уж ве́чер: со́лнце на край земли́ се́ло.

---

[1] Не́куда пода́ться — не́куда напра́виться

И видит он в степи́ пала́тку. У пала́тки сиди́т стари́к-кирги́з. Чапа́ев ему́ и говори́т:

— Я — Чапа́ев, кра́сный команди́р. Укро́й меня́ от враго́в. Стари́к-кирги́з ему́ отвеча́ет:

— Слыха́л я про тебя́, со́кол я́сный. Тебя́ вся земля́ зна́ет. Ты за бе́дных сража́лся, жи́зни свое́й не жале́л.

И поцелова́л Чапа́ева три ра́за. Пото́м сви́стнул на всю степь. А в степи́ был табу́н лошаде́й. И лети́т из э́того табуна́ жеребе́ц. Ни у одного́ царя́ таки́х коне́й не быва́ло. А мо́жет, и не дава́лись они́ в ру́ки царя́м?

Подво́дит стари́к-кирги́з э́того жеребца́ к Чапа́еву:

— Вот тебе́ конь, он тебя́ от всех бед унесёт.

Гля́нул Васи́лий Ива́нович: стои́т перед ним жеребе́ц — весь о́гненный, на груди́ звёздочка бе́лая, а глаза́ у́мные, как у челове́ка.

Подари́л кирги́з Чапа́еву на проща́нье серебряную ша́шку да золочёное ружьё.

Улета́й, со́кол я́сный. Сади́сь на коня́ и скачи́ ми́мо ле́са впра́во. Пять ноче́й и пять дней бу́дешь ты скака́ть на коне́, и принесёт он тебя́ к высо́кой горе́: бу́дет там твой стан, и никто́ тебя́ отту́да не возьмёт.

Сел Чапа́ев в дорого́е седло́, вски́нул на плечо́ золочёное ружьё, пове́сил у по́яса серебряную ша́шку. Взя́лся за пово́дья. Тут конь как ве́тер понёсся вдоль ле́са. То́лько пыль по земле́ сте́лется...

В э́то вре́мя со́лнце на зе́млю упа́ло, наступи́ла ночь, тёмная-тёмная. Из-за ле́са бе́лые выехали. Всё круго́м обыска́ли — и лес, и степь, а Чапа́ева не нашли́. Ну, что тут им де́лать? Верну́лись они́ к своему́ нача́льству, да и доложи́ли: утону́л, мол, Чапа́ев в Ура́ле. Вот как де́ло-то бы́ло...

Ива́н Его́рович замолча́л.

Ребя́там жа́лко ста́ло, что расска́з ко́нчился.

— Дя́денька, а да́льше что?

— Что ж тепе́рь Чапа́ев де́лает на горе́-то?

— Дя́дя Ива́н Его́рыч, а кто тебе́ рассказа́л про э́то?

Ива́н Его́рыч усмехну́лся:

— Кто рассказа́л?.. Про Чапа́ева наро́д расска́зывает. А я уме́л как, так и переда́л вам. Мо́жет, всего́ и не упо́мнил. Что Чапа́ев тепе́рь де́лает, спра́шиваешь? А вот что. Идёт где-нибу́дь си́льное сраже́ние. Опя́ть, ста́ло быть, с бе́лыми би́тва происхо́дит. Быва́ет и так — на́шим тру́дно прихо́дится. Окру́жат их со всех сторо́н враги́. И сил ма́ло, и патро́нов бо́льше нет. Отку́да ни возьми́сь, появля́ется Чапа́ев. Лети́т он

на о́гненном коне́, как пти́ца, то́лько бу́рка по ве́тру расстила́ется. Са́блей серебряной пома́хивает. «За мной, това́рищи!» — закричи́т, да пря́мо на беляко́в и уда́рит. Пропадёт у бойцов страх, разгоря́тся у них сердца́, в ата́ку за Чапа́ем ки́нутся. Да так ру́бятся, что ни одного́ врага́ не оста́нется. А пото́м, как опо́мнятся, — глядь, а Чапа́я-то нет. Да и был ли он тут на са́мом де́ле? Ну, я́сное де́ло — не́ был. Это для подъёма ду́ха[1] кто-нибу́дь кри́кнет: «Чапа́й впереди́!» И то́лько и́мя его́ назову́т, как бро́сятся бойцы́ в бой и ру́бятся не ху́же, чем быва́ло при нём...

— Дя́дя Ива́н Его́рыч, — спроси́л кто-то из ребя́т, — ра́зве тепе́рь би́твы с беляка́ми быва́ют?

Ива́н Его́рыч помолча́л и пото́м разъясни́л:

Это же ска́зка, что я вам рассказа́л. Ну то́лько скажу́ по со́вести[2]: в ка́ждой хоро́шей ска́зке мно́го пра́вды. То́лько на́до поду́мать над ней, и тогда́ пра́вда э́та откро́ется...

ЗНАМЯ

У пы́льной доро́ги, на дне вы́сохшей кана́вы, лежа́ли бойцы́ испа́нского батальо́на. Далеко́ впереди́, за дере́вьями, блесте́ла на со́лнце вода́. Там протека́ла ре́чка.

Ещё с утра́ был полу́чен прика́з: к ча́су дня опроки́нуть фаши́стов и отогна́ть их к реке́.

Фаши́сты стреля́ли без переры́ва. На доро́ге тут и там взлета́ли кве́рху клубки́ пы́ли: то па́дали неприя́тельские пу́ли. Каза́лось, нельзя́ подня́ть из кана́вы головы́ — таки́м ча́стым был ого́нь фаши́стских винто́вок.

Впра́во от испа́нского батальо́на засе́ла в тако́й же кана́ве междунаро́дная брига́да. Она́ состоя́ла из италья́нцев, францу́зов, англича́н, поля́ков, шве́дов. В ней би́лись про́тив фаши́стов рабо́чие ра́зных стран, студе́нты, писа́тели, учителя́ — все те, кто прие́хал сюда́ издалека́ сража́ться за испа́нский наро́д.

Сейча́с они́ напра́вили ого́нь из пулемёта на бе́лый до́мик за дере́вьями, где засе́ли фаши́сты. Окна до́мика бы́ли прикры́ты деревя́нными ста́внями. Но в них, должно́ быть, бы́ли сде́ланы ды́рочки, из кото́рых фаши́сты обстре́ливали доро́гу.

[1] Для подъёма ду́ха — руһ јүксәклији галдырмаг үчүн
[2] Скажу́ по со́вести — скажу́ открове́нно, че́стно.

Команди́р о́тдал прика́з в ата́ку.

Бойцы́ испа́нского батальо́на и междунаро́дной брига́ды пошли́ вперёд с винто́вками в рука́х. Но пе́рвые ряды́ их бы́ли сражены́ пу́лями фаши́стов.

Укры́ться от пуль бы́ло не́где. Да́же окопа́ться землёй нельзя́: земля́ здесь была́ ссо́хшая от жары́, потре́скавшаяся, похо́жая на ка́мень.

Бойцы́ не вы́несли жесто́кого обстре́ла врага́ и сно́ва отступи́ли за доро́гу.

Тепе́рь бы́ло я́сно: е́сли сде́лать вперёд хоть де́сять шаго́в, сме́рти не избежа́ть. А пройти́ под огнём врага́ на́до бы́ло не де́сять, а полтора́ста шаго́в.

Бойцы́ легли́ на зе́млю, боя́сь подня́ть го́лову.

И тут случи́лось неожи́данное. Впереди́ колыхну́лось высо́кое зна́мя, на кото́ром был нарисо́ван челове́к в бу́рке и косма́той папа́хе. Э́то бы́ло зна́мя четвёртого испа́нского батальо́на. Бойцо́в э́того батальо́на за отва́гу прозва́ли чапа́евцами. И они́ по́сле э́того нарисова́ли на своём зна́мени портре́т Чапа́ева.

И тепе́рь все уви́дели: бежи́т вперёд по́ полю челове́к с э́тим зна́менем. Зна́мя разверну́лось по ве́тру, и на его́ шелку́ показа́лась голова́ Чапа́ева в косма́той папа́хе.

По ряда́м пронесло́сь:

— Чапа́ев впереди́!

Ка́ждую мину́ту фаши́стская пу́ля могла́ скоси́ть[1] знамено́сца, но он сме́ло бежа́л вперёд...

И бойцы́, забы́в про смерть, ки́нулись за ним.

Они́ бежа́ли, не остана́вливаясь, перепры́гивая че́рез тела́ уби́тых това́рищей:

— Чапа́ев с на́ми!

Фаши́сты с у́жасом уви́дели, что ни ого́нь пулемётов, ни подоспе́вшее из-за реки́ подкрепле́ние их не спасу́т.

Республика́нцы бежа́ли вперёд, а перед ни́ми колыха́лся на зна́мени портре́т челове́ка с я́сными глаза́ми, в косма́той папа́хе.

Из-за бе́лого до́ма показа́лись тро́е фаши́стских солда́т; они́ бро́сили на зе́млю винто́вки и по́дняли кве́рху ру́ки.

К ним подбежа́л офице́р, что́-то крича́ и разма́хивая рево́львером, но пу́ля республика́нца сби́ла его́.

Че́рез мину́ту до́мик, где засе́ли фаши́сты, был взят. У его́ вхо́да бойцы́ испа́нского батальо́на поста́вили своё зна́мя. На нём был нарисо́ван челове́к в бу́рке и папа́хе.

---

[1] **Пу́ля могла́ скоси́ть — пу́ля могла́ уби́ть.**

РУССКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОСТАТЕЙНЫЙ СЛОВАРЬ

Слу́чай в Вя́зовке

вса́дник — атлы
ры́жий конь — күрән ат
скака́ть — ат чапмаг
тесо́вый — назик тахталардан гајрылмыш
воро́та — дарваза, алагапы
я́рмарка — јармарка (вахташыры дүзәлдилән тичарәт базары)
соскочи́л на́земь — јерә атылды, тулланды
ла́дный — бичимли, бој-бухунлу
ста́тный — гәдд-гамәтли, бој-бухунлу
ша́шка — гылынч
горше́чник — дулусчу (сахсы габ гајыран уста)
расхва́ливать — тәрифләмәк
гармо́шка — (*уменьш.* от гармо́нь) — кичик гармон
плясова́я — ојун һавасы
оберну́ться — дөнмәк; чеврилмәк
взял под уздцы́ — чиловундан јапышды
кри́нка — күпә
жа́ться — сыхылмаг, гысылмаг
плечи́стый — енликүрәк
кудря́вый — гыврым (түк)
усмехну́ться — күлүмсүнмәк
пропыли́ть — тоза буламаг, тозландырмаг
призна́ть — танымаг
ны́нче — инди, (бурада) бу ил
уда́ться — баш тутмаг
да́льний — узагдан кәлән
нахму́риться — гашгабағыны төкмәк
отби́ться — узаглашмаг
погости́ть — гонаг олмаг
но́жны — гын
ду́ло — ағыз (түфәнкдә)
зло́бный — гәзәбли, кинли
наготове — һазыр
не рассе́длывать — јәһәри чыхармамаг (атын)
проби́ться — јол ачыб кетмәк
поруче́ние — тапшырыг
си́плый — боғуг
заора́ть — гышгырмаг
просу́нуться — сохулмаг
рыжеу́сый — сары бығлы
ста́ли отстре́ливаться — өзләрини горумаға (күллә атмагла) башладылар
напада́вший — һүчум едән
столпи́ться — топлашмаг
распахну́ться — тајбатај ачылмаг
ко́нник — атлы, сүвари (әскәр)
сверкну́ть — парылдамаг
стон — инилти
попя́титься — чәкилмәк (дала, кери)
занести́ ша́шку — гылынчы галдырмаг
ло́вко — чәлд
увернуться — горунмаг, өзүнү кәнара чәкмәк
гри́ва — јал
ру́хнуть — јыхылмаг
ки́нуться на вы́ручку — көмәјә атылмаг
стру́йка кро́ви — ган шырнағы
на́тиск — һүчум, тәзјиг
пресле́довать — изләмәк, (бурада) далларынча дүшмәк
наткну́ться — илишмәк, тохунмаг
звя́кнуть — чинкилдәмәк
раскида́ть — дағытмаг, сәпәләмәк

Кра́сный автомоби́ль

зо́рко — диггәтлә
вгля́дываться — диггәтлә бахмаг
колоко́льня — зәнк гүлләси (килсәдә)

мелькну́ть — көрүнүб кечмәк
покоси́вшийся — әјилмиш
плете́нь — чәпәр, һөрмә чәпәр
подсо́лнух — күнәбахан
крыльцо́ — артырма (евин габағында пилләли, үстүөртүлү тикинти)
це́рковь — килсә
кивну́ть — кәстәрмәк, баш илә ишарә етмәк
нела́дно — не хорошо́
пого́н — пагон (рәсми палтарларын чијнинә тахылан фәргләнмә нишаны)
не сводя́ глаз — көзүнү чәкмәмәк
расстегну́ть — ачмағ
кобура́ — гобур (тапанча габы)
осты́вший — сојумуш
припа́сть — әјилмәк, сыхылмаг
прице́литься — нишан алмаг
уха́б — чала-чухур, гача (јолда)
прильну́в — гысылыб
метну́ться — (бурада) көрүнмәк
кавалери́ст — сүвари, атлы, сүвари әскәр
огляну́ться — дөнүб архаја бахмаг
с мину́ты на мину́ту — һәр дәгигә
ши́на — шин
дрожа́ть — әсмәк
ку́зов — кузов (машында)
замо́лкнуть — сусмаг
охри́пший го́лос — хырылтылы сәс
ладо́нь — овуч
щу́рить глаза́ — көзләрини гыјмаг

Клинцо́вские ребя́та

тача́нка — тачанка (јүнкүл миник арабасы)
пасти́сь — отламаг
стере́чь — горумаг, кешиjини чәкмәк
грома́дный — нәһәнк
совеща́ться — мәсләһәтләшмәк
сук (су́чья) — будаг (ағачда)
парни́шка — кәнч оғлан
и́ва — сөјүд
содра́ть — сојмаг
кора́ — габыг
струга́ть — јонмаг, рәндәләмәк
годи́ться — јарамаг
шипе́ние — фышылты
взви́ться — јухары галхмаг
со́нный — јухулу

пога́снуть — сөнмәк
едва́ — күчлә, анчаг
растеря́ться — өзүнү итирмәк

Ночно́й разгово́р

кипяти́ть — гајнатмаг
вполго́лоса — (бурада) аста
пло́тник — дүлкәр
тро́почка — чығыр
купе́ц — тачир
обве́шивать — тәрәзидә, чәкидә алдатмаг
стерпе́ть — дөзмәк
жу́лик — хәспуш, чибкир
задохну́ться — боғулмаг
заколоти́ть — өлүнчә дөјмәк
вражда́ — дүшмәнчилик
на ко́рточки — (присе́сть) — чөмбәләрәк отурмаг
раскури́ть — јандырмаг (папиросу)
папа́ха — папаг
откли́кнуться — чаваб вермәк
стани́ца — станитса, казах кәнди
перевя́зка — сарғы
подпира́ться — (бурада) диранмәк
зале́чивать — сағалтмаг
гля́нуть — бахмаг
жжёный — гызардылмыш (чөрәк һаггында)
зашевели́ться — тәрпәнмәк
дости́гнуть — наил олмаг
подиви́ться — тәәччүбләнмәк
шпо́ра — маһмыз
вали́ться — дүшмәк
люб — (бурада) севимли, әзиз
котело́к — газанча
похлеба́ть — бир јердә јемәк
спляса́ть — ојнамаг
рассве́т — ишыглашма
бума́ги — (бурада) сәнәдләр
затяну́ть пе́сню — нәғмә охумаг
темни́ца — һәбсхана
подтя́гивать — (бурада) сәс-сәсә вермәк
передовы́е пози́ции — өн мөвгеләр
ско́шенный — бичилмиш, чалынмыш
роси́стый — шеһли

Бой

холм — тәпә
ветряна́я ме́льница — јел дәјирманы

обходи́ть — јан кечмәк
бок (с боко́в) — јан тәрәф
обстре́л — атәш, атәшә тутма
стре́мя — үзәнки
горячи́ться — чошмаг
на всём скаку́ — гачаркән
ветря́к — јел дәјирманы
расколо́ться — парчаланмаг
бу́рка — јапынчы
распласта́ться — ганад кими ачылмаг
неподалёку — јахынлыгда
подтяну́ться — (бурада) даһа интизамлы олмаг
походи́ть — охшамаг
пыла́ть — аловланмаг
треск — чатырты
разорва́ться — партламаг
оглуши́тельный — гулаг батырычы
гро́хот — курулту
замере́ть — донуб галмаг
рассе́яться — дағылмаг
цепь — (бурада) чәркә
невреди́мый — зәрәр дәјмәмиш
оско́лок — гәлпә
заде́ть — тохунмаг
ги́канье — гыјвурма
гря́нул залп — јајлым атәши курулдады
запроки́нуться — архасы үстә јыхылды
багро́вый — түнд гырмызы
тя́жкий — ағыр
гул — уғулту
смять—(бурада) әзмәк, әзишдирмәк
дро́гнуть — тәрпәнмәк
застря́ть — илишиб галмаг, пәрчим олмаг
оку́танный — бүрүнмүш
кру́то поверну́ть — бирдән дөндәрмәк
во́зглас — сәс, гышгырыг
отто́ченный — итиләнмиш
скаку́н — чапар
эскадро́н — чапар (һәрби) ескадрон (пијада гошунда ротаја бәрабәр сүвари гошун һиссәси)
ворва́ться — сокулмаг
просто́р — кенишлик, ачыглыг
оста́ток — (бурада) галанлары

«Чапаёнок»

тайко́м — кизли
неторопли́во — тәләсмәдән

хлев — пәјә
осе́дланный — јәһәрләнмиш
мота́ть — тәрпәтмәк
узде́чка — јүјән
седло́ — јәһәр
броди́ть — кәзмәк
сверка́ющий — парылдајан
лопу́х — пытраг
прут — чубуг
бревно́ — тир
во́рот — јаха
потемне́вший — (бурада) гаралмыш
цепо́чка — зәнчир
ви́ться — сарылмаг
заты́лок — пејсәр
наиско́сь — чәпинә
прито́пывать — ајағыны јерә вурмаг
позвя́кивать — чинкилдәмәк
оробе́ть — горхмаг
замахну́ться — (бурада) бахмаг
пососа́в — сорараг
и́скоса — чәпәки
пыта́ть вопро́сами — (бурада) суал вермәк
хму́рить — гаш-габаг төкмәк
ре́денький — сејрәк
вы́горевший — ағармыш (күндән)
бо́язно ста́ло — горхду
уве́шанный ору́жием — (бурада) силаһланмыш
на́чал расстра́иваться — кефи позулмаға башлады
похло́пывать — (бурада) вурмаг
запылённый — тозлу, тоз басмыш
загрусти́ть — (бурада) ганы гара олмаг
пыхте́ть — (бурада) ағыр-ағыр нәфәс алмаг
пересека́ть — (бурада) ики бөлмәк
ремешо́к — гајыш
запыха́вшись — төвшүјә-төвшүјә
подрасти́ — бөјүмәк, бој атмаг
спра́виться — бачармаг
гости́ть — гонаг олмаг
скаме́йка — скамја
рукоя́тка — дәстәк
проговори́л ба́сом — јоғун сәслә деди
шустра́ — зирәк, чәлд
одолева́ет сон — јуху басыр
мелька́вший — көрүнүб јох олан

вползти́ — сүрүнмәк
врасплóх — гәфилдән
ми́гом — бир анда
скака́ть — чапмаг (ат)
провини́ться — тәгсиркар олмаг
доброво́лец — көнүллү (әскәр)

Прика́з Ле́нина

почу́вствовали — һисс етдиләр
плот — сал
перепра́ва — кечид, бәрә
раздобы́ть — тапмаг
отби́ть — (бурада) әлә кечирмәк
песча́ный — гумлу
кро́шечный — (бурада) кичичик
пожа́рная каланча́ — јанғын гүлләси
кома́ндующий — команданлыг едән
подкрепле́ние — көмәк, јардым
обороня́ясь — өзләрини мүдафиә едәрәк
бе́шеный — (бурада) шиддәтли
дро́гнуть — кери чәкилмәк
реши́тельный — гәти
кровопуска́ние — ганалма
сти́снуть зу́бы — сыхмаг (дишләрини бир-биринә)
лазаре́т — лазарет (һәрби хәстәхана)
оглуши́ть — гулағыны батырмаг, вуруб кичәлләтмәк
сплошь — тамамилә
должны́ бы́ли прорва́ться — јарыб кечмәли идиләр
отбо́рный — сечмә, ән јахшы
пози́ция — мөвге
уничто́жить — мәһв етмәк
исто́птанный — тапдаланмыш

После́дний похо́д Чапа́ева

верста́ — верст (1,06 километрә бәрабәр узунлуг өлчүсү)
коло́дец — су гујусу
отравля́ть — зәһәрләмәк
яд — зәһәр
жа́жда — сусузлуг
разма́лывать — (бурада) әзмәк
прикла́д (винто́вки) — гундаг (түфәнкдә)
пески́ — гумлуг
глото́к — бир гуртум (су)
отча́янный — (бурада) үмидсиз
попы́тка — тәшәббүс
наде́яться (не наде́ялись) — үмид етмәк (үмид етмирдиләр)
разъе́зд — (бурада) (һәрби) сүвари кәшфијјат дәстәси
изме́на — хәјанәт
преда́тельски — хаінчәсинә
скопи́ться — топлашмаг
ку́чка — бир дәстә
нера́вный — бәрабәр олмајан
задво́рки — евләрин далы
на виду́ — көзү габағында
обрыва́ться — (бурада) кәсилмәк
волна́ — далға
не́куда — һеч јерә
разгоряче́нный — һирсләнмиш
след — из
цела́ — (бурада) саламатдыр
отры́висто — кәсик-кәсик, гырыг-гырыг
обры́в — учурум, јарған
изра́ненный — јаралы
насти́гнуть — һагламаг
взма́хивая — јелләјәрәк (әли илә)
как плеть — (бурада) сынмыш будаг кими
вспе́нивать — көпүкләндирмәк
брать прице́л — нишан алмаг
отшвырну́ть — тулламаг
заве́тный — (бурада) ән әзиз, гијмәтли
наседа́вший — сыхышдырылмыш
подмо́га — көмәк, јардым
осо́ка — чил (битки)
уцеле́ть — саламат галмаг
бурли́ть — чошмаг, курулдамаг
му́тный — буланыг
оплати́ть — әвәзини чыхмаг
разгроми́в — дармадағын едәрәк
бессме́ртен — өлмәздир, әбәдидир

Сказка

ко́нюх — меһтәр, ата бахан
приста́ть — јапышмаг, әл чәкмәмәк
утону́ть — батмаг, боғулмаг (суда)
сла́виться — мәшһур олмаг
ло́вкий — чәлд
плове́ц — үзкүчү
пого́ня — тә'гибчи дәстәси

следом — далынча, архасынча
трещать — шаггылдамаг
храпеть — фынхырмаг (ат)
берлога — ајы јувасы
сокол — шаһин, гызылгуш, тәрлан
свистнуть — фыштырыг чалмаг
табун — илхы, сүрү
жеребец (жеребца) — ајғыр
огненный — одлу, чошгун
золочёный — гызыл сујуна чәкилмишди
стан — дүшәркә
повод (поводья) — чилов, једәк
стлаться — јајылмаг, чуғламаг
доложить — мә'лумат вермәк
упомнить (не упомнил) — јадда сахламаг (јадда сахламамаг)
расстилаться — јајылмаг
рубиться — вурушмаг, чарпышмаг (гылынчла, хәнчәрлә)
опомниться — өзүнә кәлмәк, ајылмаг

Знамя

канава — енсиз арх
опрокинуть — керијә атмаг, мөвгејиндән чыхартмаг
засесть (засели) — (бурада) кизләнмәк
ставня — пәнчәрә тахтасы
были сражены — (бурада) мәһв едилмишди
окопаться землёй — (бурада) далдаланмаг, торпағын алтында кизләнмәк
ссохшая — гуру
потрескавшаяся — чатламыш
вынести — дөзмәк, давам кәтирмәк
жестокий — дәһшәтли
колыхнуться — јелләнмәк
косматый — түклү
знаменосец — бајрагдар
подоспевший — өзүнү јетирмиш

В ПОМОЩЬ ИЗУЧАЮЩИМ РУССКИЙ ЯЗЫК

КОНОНОВ А.

РАССКАЗЫ О ЧАПАЕВЕ

(На русском языке)

Составители: *Асланова О. А., Кулиева Э. А.*

Редактор *А. Аликперов*
Художник *Е. Катакалидис*
Художественный редактор *А. Алекперов*
Технический редактор *М. Алескерова*
Корректор *А. Сабаева*

ИБ—2098

Сдано в набор 30.05.83. Подписано к печати 18.11.83. Формат бумаги 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Физ. п. л. 2,0. Усл. п. л. 1,86. Усл. кр.-отт. 2,17. Учетн. изд. л. 1,74. Тираж 60.000. Заказ 602. Цена 5 коп.

Азербайджанское государственное издательство учебно-педагогической литературы «Маариф» Государственного комитета Азербайджанской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Баку—370111, ул. А. Тагизаде, 4.

Типография Новая Книжная Государственного комитета Азербайджанской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Баку, ул. А. Тагизаде, 4.

5 коп.